

как оглушенная мать очнулась, она не нашла своих детей. И вот ночью, уже после того, как поезд тронулся дальше, женщина выходила на каждой остановке и голосом, в котором застыла вся боль безнадежного отчаяния, звала: — Любочка, Любочка! Этот голос до сих пор звучит в ушах у Гали. Не в этот ли страшный час, когда услышала она этот крик, ушло, убежало Галино детство. И вот на пороге в жизнь стоит девушка, и какая хорошая, какая серьезная девушка! Все горести и невзгоды разделяет она вместе со своей Родиной.

* * *

«Дорогой папка! Я хочу тебя обрадовать, я даром времени не теряла. Я — бригадир нашей школьной бригады. В ней я, Ковалева Нелла, Каменева Тамара, Иванова Лида, Петрухина Галя. Папка, ты только не смейся! Мы свою школу отремонтировали за лето. Мы побелили 10000 квадратных метров, 1052 кв. метра отштукатурили, а сперва прошли курсы маляров и зачеты сдали, а после как все кончили — похвальную грамоту получили от райсовета. Так что и мы помогаем. А когда ты на фронт уходил, я была только до ручки двери, что в большой комнате. Ну, вот и все. Крепко тебя целуем и я, и мама. Твоя дочка, ученица 6-й школы и... маляр Валя Петрухина».

Письмо отцу Валя писала долго, две кляксы слизнула языком. Много раз она поправляла английской булавкой слабенький синеватый огонек «коптилки».

— Вот, мама, — свертывая письмо уголком, обратилась она к матери, — самое трудное — это без света быть, вечер пропадает.

— А по — моему, трудного много, но надо уметь это трудное стойко переносить, — улыбнулась мать.

Валя хитро сощурила глаза.

— А по — моему самое трудное это без халвы жить, — вздохнула она. — Помнишь, как ты до войны мне на именины два килограмма подарила, с орехами?..

— Ну, уж с этим, девочка. Придется подождать, — улыбнулась мать.

— Да ведь это я так, — смутилась Валя, я не маленькая. А все — таки халву я люблю больше всего!

* * *

Море дробит большие зеленые волны о прибрежные гладкие камни, и брызги цвета бутылочного стекла разлетаются во все стороны и ослепительно горят на солнце. На большом камне, обхватив колени руками, сидит мальчик, и, улыбаясь, следит за игрой волн. Мальчика зовут Андрюшей, его фамилия Дюкарев, он из освобожденного Курска и приехал сюда отдохнуть и поправляться. Его послали в награду за отличную учебу и за прекрасную работу по восстановлению родного города.

Здесь в Артеке Андрюша на одном из сборов рассказал ребятам о том, как в Курске хозяйничали проклятые немцы, как они расстреливали и мучили людей.

— Вы помните, ребята, рассказ про Гавроша. Как он на баррикадах сражался, как за свободу жизнь свою отдал. Ну, и у нас были крепкие ребята. Вот из нашей 1-й школы Михаил Меньшов партизанил. Много он немцам навредил, на станции, в депо он орудовал. У нас много было таких.

Ребята слушали Андрея, не прерывая ни одним словом. Во время одной из бесед Андрюша вспомнил свою старшую сестру Раю, ее угнали на каторгу в Германию. Ребята попросили рассказать о ней, и вот тут — то из синих ребячьих глаз мальчика посыпались крупные слезинки.

— Я здесь на море смотрю, виноград ем, пирожные, а Рая то уж поди, и с голоду умерла.

Ребята знали, и любили этого паренька. Они знали, что в своем родном Курске Андрейка с двумя товарищами сделал для своей школы 24 парты, отремонтировал переломанную мебель, что много дней он пробыл в лесу, где — то там у себя на Солянке, готовил дрова для школы. Дома по вечерам он надевает фартук, берет в руки молоток, пол ночи напролет наверное чинит обувь для своей семьи. У него маленькая сестра и пять братиков...

* * *

... Да, а горячих ясноглазых «Гаврошей» в нашей стране много. Прилетела буря, прошумел свирепый ураган, пригнул стройный молодой березняк, но вскоре стихло все, отшумело и поднялись гибкие здоровые ветки и ярче блестит на солнце молодая свежая листва.

Курская правда, 1945г., 18 февраля.